

УДК 94(37).09

**СИНЕЗИЙ КИРЕНСКИЙ
И ВОЙСКОВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «УННИГАРДЫ»:
ГОТЫ И ГУННЫ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ IV–V вв.**

© 2015 г.

Е.А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

mehamadiev@gmail.com

Поступила в редакцию 14.08.2015

Данная статья продолжает предшествующую статью автора, посвященную истории войскового подразделения «Уннигарды» – этот отряд упоминается в письмах и в нескольких трактатах Синезия Киренского, епископа г. Птолемаида в провинции Киренаика на территории современной Ливии. Соответственно, Уннигарды размещались в Киренаике и входили в состав местной пограничной армии. В прошлой статье автор, рассмотрев грамматическую структуру самого слова *Ὀύνιγάρδαι* (в том виде, как оно было представлено у Синезия), пришел к выводу, что подразделение Уннигардов состояло из двух этнических групп – готов и гуннов, но происхождение Уннигардов восходит не к западноримским гуннам и готам, которые жили в Паннонии в качестве федератов, поскольку такое происхождение противоречит административно-политическим условиям развития Западной Римской империи на рубеже IV–V вв. Следовательно, в настоящей статье автор рассматривает вопрос о происхождении Уннигардов от восточноримских гуннов и готов, и на основе различных источников, при этом не только греко-латинских, но и переведенных сирийских, приходит к следующим выводам. 1) Гунны, служившие в отряде Уннигардов, в 395 г. были набраны восточноримским префектом претория Руфином в качестве его личной гвардии телохранителей, но эти гунны ранее жили во Фракии, земли которой они периодически грабили. Когда гунны подчинялись Руфину, они находились в Константинополе, но затем, после убийства Руфина в ноябре 395 г., отряд гуннов был переведен в далекую Киренаику, чтобы они не беспокоили своим присутствием столицу. 2) Готы, служившие в отряде Уннигардов, еще при императоре Феодосии I, в 380 г., были переведены в Египет из Македонии, поскольку эти готы представляли собой перебежчиков, добровольно сдавшихся Феодосию. 3) В 394 г., когда из Египта в Киренаику был направлен специальный войсковой корпус, в составе этого корпуса находились и готы, которые в том же году разместились в Киренаике вместе с другими регулярными отрядами из Египта. После ноября 395 г., когда в Киренаику прибыли сосланные туда гунны из окружения префекта Руфина, был создан отряд Уннигардов, включивший в себя готов и гуннов, о которых речь шла выше. Так возник отряд Уннигардов, упоминаемый в произведениях Синезия Киренского.

Ключевые слова: Синезий Киренский, готы, гунны, федераты, Киренаика.

Данная статья является прямым продолжением нашей предшествующей статьи, посвященной истории войскового подразделения «Уннигарды» [1]. Это подразделение упоминается в 78-м письме и в нескольких трактатах Синезия Киренского – епископа г. Птолемаида в провинции Киренаика (восточная половина прибрежной полосы современной Ливии) на севере римской Африки. В прошлой статье мы высказали идею, что историю и этнический состав отряда Уннигардов, который размещался в Киренаике, следует рассматривать с позиций лингвистики, грамматической структуры самого слова *Ὀύνιγάρδαι*, по крайней мере в том виде, как его упоминает Синезий Киренский. Корень *-γάρδ-* (греческая калька с формы *gards*), несомненно, относится к германским языкам, является неизменным составным элементом во многих словах германского происхождения и по-

стоянно встречается в письменных памятниках скандинавских народов, а именно – в древноревских и древнеисландских сагах (в форме *garðr*).

Следовательно, корень *-γάρδ-* свидетельствует о наличии в отряде Уннигардов германского этнического элемента, указывает на то, что в данном подразделении служили германцы. Мы предположили, что в условиях Восточной половины империи конца IV – начала V в. (письмо Синезия, в котором упоминаются Уннигарды, датируется исследователями 411 г.) единственным германским народом, который мог нести военную службу в восточноримской армии, были готы, поскольку с 376 г. они действительно размещались во многих провинциях Восточной половины империи. Поэтому, на наш взгляд, применительно к подразделению Уннигардов корень *-γάρδ-* позволяет сделать вывод, что и в кадро-

вый состав этого отряда также входили готы как представители германских народов.

Другой составной элемент – корень *-oũvvi-* – несомненно, отражает наличие в отряде Уннигардов воинов тюркского происхождения, поскольку в греческом географическом и административном лексиконе этот корень всегда использовался для образования этнонимов, обозначающих различные народы тюркского происхождения. Корень *-oũvvi-* неизменно присутствует во всех наименованиях, с помощью которых греки и византийцы называли тюркских кочевников, от гуннов до печенегов. Опять же, исходя из условий Восточной половины империи рубежа IV–V вв., в состав которой входила Киренаика, мы предположили, что данными тюрками могли быть только гунны, поскольку именно они были первым тюркским народом, с которым империя столкнулась в конце IV в., и в рамках указанного периода они же были единственным тюркским народом, который вместе с готами в 376 г. частично расселился в пределах восточноримских провинций. Поэтому, на наш взгляд, помимо готов, в состав отряда Уннигардов входили и гунны, что вполне органично отразил корень *-oũvvi-* в самом названии *Oũvviγάρδοι*.

Но проблема состоит в том, что и готы, и гунны после 376 г. проживали не только в восточноримских провинциях, – по договору, который заключил с ними западноримский император Грациан, часть готов и гуннов получила земли в Паннонии (совр. Венгрия), т.е. в провинции, входившей в состав Западной половины империи. Поэтому возник закономерный вопрос – из каких готов и гуннов был создан отряд Уннигардов, из тех, которые расселились в Паннонии, т.е. в пределах Западной половины империи, или из тех, которые разместились в восточноримских провинциях, главным образом, во Фракии (балкано-дунайские регионы) и в Сирии (ближневосточные регионы)?

В нашей предшествующей статье мы рассмотрели вопрос о западноримских готах и гуннах и пришли к выводу, что они не имели никакого отношения к созданию отряда Уннигардов. Готы и гунны, расселенные в Паннонии, размещались там на правах федератов, т.е. из них были созданы обособленные регулярные этнические подразделения, которые несли службу в крупных городах внутри провинции. По сути, на эти отряды федератов была возложена задача обороны земель Паннонии от нападений их же соплеменников – других готов и гуннов, живших за пределами римских границ.

Данные отряды были наделены привилегированным статусом, они представляли собой

регулярные подразделения и входили в состав полевых (экспедиционных войск), принимавших участие в военных операциях против тех же гуннов в других провинциях, например в Реции, или против различных узурпаторов в Галлии. Вследствие этого западноримское правительство не могло перевести часть готов и гуннов Паннонии в далекую Киренаику, которая к тому же входила в состав Восточной половины империи. Подобный перевод мог существенно ослабить оборону паннонских земель от вторжения других варварских племен, тем более, следует учитывать, что после 395 г. между обеими половинами империи началась открытая конфронтация, и любой обмен войсками между Западной и Восточной частями империи в этих условиях был уже невозможен. Следовательно, остается только один вариант – Уннигарды были созданы из готов и гуннов, проживавших в Восточной половине империи, а это, в свою очередь, подводит к выводу, что в результате ряда событий центральная администрация в Константинополе должна была разместить часть восточноримских готов и гуннов в Киренаике. Именно эти сюжеты мы и хотели бы рассмотреть в настоящей статье.

1. Готы в пределах Восточной половины империи (последняя четверть IV в.)

Как известно, в 376 г. вестготы, которых теснили гунны, были вынуждены покинуть свои прежние места обитания в северо-восточной Румынии и подойти вплотную к границам Рима на Дунае. Восточноримский император Валент, надевшийся получить новых и боеспособных рекрутов, позволил этим готам перейти дунайскую границу, но в результате ряда злоупотреблений местной администрации готы подняли восстание, что переросло в открытый вооруженный конфликт. В итоге в 378 г. между римлянами и готами состоялась знаменитая битва при Адрианополе, в ходе которой римские войска потерпели сокрушительное поражение. После ряда тяжелых и переменчивых боевых действий с готами на Балканах новый восточноримский император, Феодосий I Великий, в 382 г. заключил с готами мирный договор, по условиям которого варвары расселялись в пределах империи, на территории Фракии, и получали земли, а также внутреннюю автономию в обмен на периодическую военную службу в римской армии¹.

Тем не менее в относительно новой литературе эта общепринятая точка зрения была подвергнута существенному пересмотру, – в 2001 г. в своей обстоятельной диссертации по федератам гейдельбергский историк Р. Шарф высказал

идею, что в эпоху Феодосия I (379–395 гг.) Восточно-римская империя не знала понятия «федераты» в том смысле, какой вкладывали в этот термин авторы более позднего времени: по мнению исследователя, договор 382 г. с лидером вестготов Атанарихом не предполагал какого-либо расселения обширных племенных групп в пределах империи. Как полагает Р. Шарф, размещенные во Фракии готы-федераты сразу же были зачислены в уже существующие регулярные части *comitatenses*, и только в 397 г. варвары получили статус обособленных этнических подразделений [3, S. 22, 24, 27].

Подобная точка зрения представляется нам крайне спорной и более того – прямо противоречащей сведениям дошедших до нас источников. В XVI речи константинопольского ритора Фемистия, произнесенной 1 января 383 г. в честь назначения консулом стратега Флавия Сатурнина², наш автор отмечает, что «спустя немного времени мы взглянем так и на скифов... в самом деле, немного спустя мы получим их союзниками по договору, сотрапезниками, несущими военную службу вместе с нами, выполняющими повинности вместе с нами» (οὕτω καὶ Σκύθας ὁψόμεθα ὀλίγου χρόνου... ληψόμεθα δ' οὖν οὐκ εἰς μακρὰν ὁμοσπόνδους, ὁμοτραπέζους, ὁμοῦ στρατευομένους, ὁμοῦ λειτουργοῦντας – Themist. XVI, 211d). В этом смысле уточним, что «новый взгляд» Фемистия на варваров обусловлен тем, что, по мысли ритора, «и сейчас никто не называл бы галатов варварами... они и налоги вносят как мы, и служат в войске, как мы...» (καὶ νῦν οὐκέτι βαρβάρους Γαλάτας ἂν τις προσείποι... καὶ εἰσφέρουσιν ὥς ἡμεῖς εἰσφοράς καὶ στρατεύονται ὥς ἡμεῖς στρατείας – Themist. XVI, 211c-d). Безусловно, Фемистий имеет в виду только целенаправленное расселение во Фракии готских племен, которых он сравнивает с древними галатами из Малой Азии, когда-то окончательно присоединенными к империи Октавианом Августом³.

Оправдывая размещение племенных групп готов в нижнедунайских провинциях, Фемистий задается вопросом: «Действительно, лучше ли, когда Фракия наполнена телами умерших, а не крестьянами?» (πότερον οὖν βέλτιον νεκρῶν ἐμπλήσαι τὴν Θράκην ἢ γεωργῶν; – Themist. XVI, 211a) и патетически утверждает, что во Фракии «сейчас переделывают железо из мечей и панцирей в кирки и серпы» (ὅτι μεταποιοῦσι τὸν σίδηρον ἐκ τῶν ξιφῶν καὶ τῶν θωράκων εἰς δικέλλας νῦν καὶ δρεπάνας – Themist. XVI, 211b). В перечисленных пассажах, на наш взгляд, видна ничем не прикрытая надежда ритора на то, что варвары, пребывающие на территории Фракии, в скором времени превратятся

из внешних врагов империи в «мирных тружеников», т.е. в крестьян, которые будут поставлять в армию рекрутов, обрабатывать земли и выплачивать повинности наравне с местными жителями фракийских земель⁴.

Могли ли эти готы послужить основой для формирования кадрового состава отряда Уннигардов из письма Синезия? В целом цитированные выше фрагменты речи Фемистия заставляют согласиться с позицией П. Хитера, что готы использовались Восточной империей исключительно как нерегулярные племенные ополчения, созывавшиеся только в случае крупных военных кампаний, как, например, поход Феодосия против очередного западноримского узурпатора Евгения в Италию в 394 г [7, p. 160, 161–162]⁵. Даже известный пассаж Зосима о пребывании в окрестностях г. Томы (совр. Констанца в Румынии) отряда варваров, «по знатности назначенных василевсом» (ἦσαν δὲ πρὸς ταύτης τῆς πόλεως ὑπὸ βασιλέως ἀριστίνδην καταστάντες βάρβαροι – Zos. IV. 40. 1), не следует рассматривать как свидетельство о наличии в римской армии регулярных соединений, набранных из готов. Зосим говорит, что эти «варвары» снабжались «от василевса» продовольствием и «другими дарами» больше, чем рядовые воины местного происхождения (Οὗτοι καὶ σιτήσεων ὑπὲρ τοὺς στρατιώτας καὶ ἄλλων παρὰ βασιλέως ἡξιωμένοι δωρεῶν – Zos. IV. 40. 2), следовательно, налицо тесная связь готов, размещенных за чертой города, с императором и его двором, отправлявшим разнообразные субсидии солдатам готского происхождения. Очевидно, О. Шмитт правильно отождествил готов, размещенных вблизи г. Томы, с одной из палатинских (дворцовых) схол – известно, что эти подразделения императорской гвардии, учрежденные еще Константином I Великим, в основной своей массе рекрутировались именно из германских племен [9, S. 380–381, 384].

Следовательно, у нас нет прямых данных, указывающих, что после 382 г. готы, равно как и другие племена, переселившиеся в империю, активно и принудительно вербовались в уже существующие регулярные корпуса местной римской армии – скорее наоборот, размещение вестготов-федератов во Фракии проводилось по племенному принципу, они селились целыми общинами, в которых действовало автономное племенное право. За рамками военных кампаний и в период боевых действий готы подчинялись исключительно своим вождям и в военных походах участвовали как строго обособленные этнические соединения, распускавшиеся по домам после завершения боевых операций⁶. Крайне сложно в этой ситуации предположить, что

восточноримское правительство могло беспрепятственно и безболезненно для себя переправить беспокойных готов в такую отдаленную провинцию, как Киренаика. Соответственно, у нас остается единственный возможный вариант, — предположительно в 380 г.⁷ император Феодосий столкнулся с проблемой задунайских готов-перевалов, которые перешли на сторону империи, но в количестве, превышающем численность местных римских солдат. В этой ситуации, согласно Зосиму, Феодосий принял решение переправить в Египет часть готов в обмен на те подразделения, которые ранее дислоцировались в пределах Египта («он предположил, что будет лучше какую-либо часть этих воинов (т.е. готов. — Е.М.) присоединить к тем, кто служит в Египте, чтобы часть воинов, которые служат в расположенных там отрядах, сопровождала его самого» — ἀμείνον ᾧ ᾗθη μέρος τι τοῦτων τοῖς στρατευομένοις κατὰ τὴν Αἴγυπτον ἀναμίξει, μέρος δὲ τῶν τὰ ἐκεῖσε τάγματα πληροῦντων ὡς αὐτὸν ἀγαγεῖν — Zos. IV. 30. 2).

Другими словами, часть регулярных войсковых соединений, размещавшихся в египетских диоцезах империи, была переведена в Македонию, где Феодосий вел ожесточенные боевые действия против готов, грабивших земли восточного Иллирика, взамен же этих соединений в Египет была отправлена часть готов-перевалов, перешедших на сторону Феодосия. Соответственно, отряд готов, отправленный в Египет, на наш взгляд, как раз и положил начало будущему подразделению Уннигардов, точнее — ее германской половине. Судя по всему, готские наемники, прибывшие на берега Нила, в более поздний период резко поменяли место своей дислокации и вошли в состав пограничной армии Киренаики. Можно предположить, что перемещение германцев, равно как и учреждение в восточной Ливии новой и постоянной армии, произошли в 394 г., когда, по данным одного греческого папируса, в Пентаполис (литературное название Киренаики) из Египта был направлен крупный экспедиционный корпус, для содержания которого потребовалось ввести чрезвычайные и непредвиденные налоги [14, р. 351, 358–360].

Возникает вполне закономерный вопрос — когда к солдатам готского происхождения присоединились гунны, тем самым образовав отряд Уннигардов, неоднократно упоминаемый Синезием?

2. Гунны в контексте восточноримской военной политики: 395–397 гг.

Вплоть до 395 г. мы не слышим о каких-либо вторжениях гуннов в пределы Восточной поло-

вины империи, во всяком случае, наши источники ничего об этом не сообщают. Впервые крупные передвижения больших масс тюркских кочевников упоминаются именно под 395 г., и события, затронувшие восточноримские провинции, главным образом Сирию, были зафиксированы как в произведениях греко-латинских, так и восточных (сирийских) авторов.

В 395 г., определенно — до ноября этого года, когда был убит восточноримский префект претория Руфин, всесильный временщик при дворе императора Аркадия, племенные массы гуннов, оставив донские степи, пересекли Кавказские горы и разошлись в двух направлениях — часть варваров вторглась в Персию, часть же нанесла удар по ближневосточным римским провинциям, разграбив земли Сирии. Известный востоковед-тюрколог О. Менхен-Гельфен в свое время уверенно отметил, что мы можем говорить только об одном вторжении гуннов, состоявшемся в 395 г., тогда как сведения латинского поэта Клавдиана о втором нашествии гуннов в 397 г. следует признать абсолютно недостоверными [15, р. 56]. С другой стороны, многие исследователи не подвергают сомнению факт карательной экспедиции римлян против гуннов, развернувшейся под руководством уже нового восточноримского временщика, Евтропия, в 397 г. [16, р. 28; 17, S. 186; 18, р. 125]. Следует признать, что Клавдиан — по сути, наш единственный источник о военной кампании 397 г. — дает ценные свидетельства об участии готов-наемников в боевых действиях на стороне римлян (*adloquiturque Getas* — «и призывает он (т.е. Евтропий. — Е.М.) готов» — Claud. In Eutr. I. 242), но, вопреки мнению Г. Альберта [19, S. 630, 640], мы полагаем, что в 397 г. главной ударной силой восточноримской армии были не готы-федераты, а регулярные римские части, вернувшиеся из Италии в Константинополь еще в ноябре 395 г.

Соответственно, гунны 397 г. определенно не могли послужить основой для создания отряда Уннигардов, поскольку удачное *сочетание и комбинирование* сил регулярной армии и отрядов федератов, судя по всему, обеспечило Евтропию успех — даже Клавдиан, идейный противник Евтропия, признает, что евнух, лично возглавивший экспедицию, выбил гуннов из малоазийской Каппадокии и преследовал их в землях Армении вплоть до границ Персидского царства (см. PRLE II, Eutropius 1, р. 442). Можно ли в этом смысле приписать более раннему гуннскому вторжению 395 г. роль главной причины в образовании соединения Уннигардов, в котором, как мы показали выше, несомненно присутствовал тюркский элемент?

Единственный источник, подробно перечисляющий состав военных сил римлян, отражавших набеги гуннов в 395 г., представляет собой коллекцию житий эдесских мучеников, принимавших участие в борьбе с кочевниками, – в данном случае отметим, что гунны обратили свой главный удар против сирийской Эдессы, которую они подвергли жестокой и разрушительной осаде. Греческий вариант этих житий утверждает, что когда гунны вплотную подошли к Эдессе, на помощь осажденным жителям прибыли войска, «собранные из разных земель», которые «заняли город» и «размещались там долгое время» (ταύτης ἔνεκα τῆς αἰτίας στρατιωτικαὶ δυνάμεις τὴν πόλιν κατειλήφασιν ἐκ διαφόρων ἀθροισθεῖσαι κλιμάτων καὶ πολὺν ἐνδιέτριψαν ταύτῃ χρόνον), при этом, по словам автора жития, в составе войска, отправленного в Эдессу, был и солдат готского происхождения (Ἄνῆρ δὲ τις Γότθος ὑπάρχων τὸ γένος σὺν τοῖς στρατεύμασιν ἐν τῇ πόλει) [20, S. 150].

Сирийская версия эдесского мартиролога во многом уточняет сведения греческого текста, утверждая, что в 396 г. (хронист ошибочно помещает вторжение гуннов в этот год) командующий римскими силами, the Military Governor (Stratelates) Аддей, как названа его должность в английском переводе сирийского текста, «не позволил Федератам» (did not give permission for the *Foederati*) выступить против гуннов, опасаясь предательства со стороны первых [21, p. 131]. Безусловно, Аддей, возглавлявший оборону города, был военным магистром Востока (*magister militum per Orientem*), и войска, прибывшие к городу, представляли собой подразделения региональной экспедиционной армии *comitatenses*, дислоцировавшейся в Сирии (скорее всего, их ставка находилась в Антиохии). Гот, о котором упоминает греческий текст жития, был, следовательно, одним из федератов-наемников, и в этом смысле ясно, что войсковые корпуса федератов размещались в пределах ближневосточных провинций и несли там активную военную службу именно в качестве регулярных отрядов местной римской армии.

Но мы можем совершенно точно утверждать, что войска, противостоявшие гуннам, значительно уступали своему противнику по численности и не могли составить эффективную защиту землям Сирии, – Иероним Стридонский в своем письме, написанном в 399 г., подробно рассказывает о вторжении и разорении, учиненном гуннами в 395 г., и в связи с этим высказывает сожаление, что «Римское войско тогда отсутствовало и было занято гражданскими войнами в Италии» (*aberat tunc Romanus exercitus et bellis civilibus in Italia teneba-*

tur – Ep. 77. 8, 2 = CSEL. Vol. 55, p. 45). Отец Церкви однозначно имеет в виду события осени 394 г., когда восточноримский император Феодосий I перевел основные силы своей армии в Италию для свержения узурпатора Евгения, при этом после решительной победы над последним войска, отведенные с восточных границ, продолжали пребывать на Апеннинском полуострове, ожидая своего возвращения в Константинополь.

Это возвращение произошло только в ноябре 395 г., поэтому сообщение Иеронима следует датировать первой половиной или серединой 395 г. Следовательно, «стратилат» Аддей, боровшийся с гуннами в 395 г., не мог захватить своих противников в плен для последующего перевода в далекую Киренаику – в 395 г. у местной римской армии просто не было сил для столь мощного и решительного удара по тюркским кочевникам. Более того, другой тип источников – сирийские хроники – позволяет сделать вывод, что в 395 г. римские войска не могли остановить гуннов и те практически беспрепятственно грабили земли Сирии и пограничных с ней провинций.

Прежде всего обратимся к т.н. Анонимной сирийской хронике 724 г. (в латинском переводе Ж.-Б. Шабо), которая сообщает, что в 395 г. гунны вторглись в пределы римских границ (*venit populus maledictus Hunnorum in regiones Romanorum*) и «прошли через Софену, Армению, Месопотамию, Сирию, Каппадокию вплоть до Галатии» (*peragrarunt Sophenen, Armeniam, Mesopotamiam, Syriam, Cappadociam ad Galatiam usque*). Далее хронист отмечает, что гунны, захватив в плен множество местных жителей, «отступили, чтобы вернуться в свою землю» (*et regressi sunt ut reverterent in regionem suam*) [22, p. 106]. Тем не менее, согласно хронике псевдо-Дионисия Тельмахрского (в латинском переводе Ж.-Б. Шабо), составленной в 775/776 гг. н.э. [23, с. 44; 24, p. 90], гунны, вторгнувшиеся в Сирию, были выбиты из этого региона римскими войсками, «собранными отовсюду» (*Et undique copiae Romanorum adversus eos congregatae sunt*), при этом хронист добавляет, что римляне смогли полностью уничтожить своих противников, поэтому никому из гуннов не удалось спастись бегством (*et eos destruxerunt; nemo eorum salvus evasit*) [25, p. 139]. Интересно, что в другой части своего труда псевдо-Дионисий утверждает совершенно обратное – по его словам, «вся Сирия была передана в их (т.е. гуннов. – Е.М.) руки из-за вероломства префекта Руфина и медлительности Аддея, начальника воинов» (*tota Syria in manus eorum tradita est perfidia Rufini praefecti et signitie Addaei magistri militum*) [25, p. 180].

Сопоставляя сведения цитированного выше Иеронима Стридонского и хроники псевдо-Дионисия, можно, на наш взгляд, согласиться с Дж. Грейтрексом, подчеркнувшим, что в 395 г. римляне вряд ли обладали достаточным количеством сил, чтобы отразить нашествие гуннов, поскольку вплоть до ноября 395 г. и восточная, и западная полевые армии находились в Италии под командованием Стилихона, западноримского военного магистра [26, р. 71]. Очевидно, те войска, которыми в 395 г. командовал военный магистр (*magister militum*) Аддей, представляли собой соединения готов-федератов и старые пограничные военные гарнизоны, размещенные вдоль границы с Персией.

На наш взгляд, из представленных фактов можно сделать два важных вывода: 1) гунны, разграбившие Сирию в 395 г., численно превосходили местную восточноримскую армию, противостоявшую тюркским кочевникам, следовательно, эти гунны не могли послужить источником для формирования отряда Уннигардов, пребывавшего в Киренаике. В противном случае римские войска должны были сначала разгромить гуннов в Сирии, а затем перевести плененные группы кочевников в Киренаику, но, как мы уже показали, в 395 г. у римской армии просто не было сил для этого. 2) В равной мере и готы-федераты, дислоцировавшиеся на сирийско-персидской границе, ни при каких обстоятельствах не могли быть переведены в восточную Ливию (Киренаику), поскольку римское правительство нуждалось в защите сирийской границы от нападений персов и тех же гуннов, и подразделения федератов наряду со старыми пограничными гарнизонами были единственным заслоном на пути врагов империи вплоть до возвращения в восточные провинции тех полевых войск, которые пребывали в Италии.

Судя по всему, отряды готов-федератов, упомянутые в сирийских источниках (и особенно в «Деяниях мучеников Эдессы»), восходят по происхождению к тем готам, которых восточноримское правительство еще в 376 г. перевело в ближневосточные провинции с дунайского фронта, — как известно, в том году восточноримский император Валент позволил готам перейти Дунай и расселиться в римских землях в обмен на большое количество заложников со стороны готов. Часть этих заложников была отправлена в Сирию и другие ближневосточные регионы; соответственно, вопреки мнению М. Шпайделя, который видел в готско-заложниках исключительно подростков или детей несовершеннолетнего возраста, мы вслед за С. Эльберном полагаем, что здесь скорее следует говорить о полноценных и боеспособных рекру-

тах, находившихся под командованием римских военных офицеров [27, р. 503–504; 28, S. 103].

Из этих рекрутов были сформированы регулярные соединения федератов, которые продолжали дислоцироваться в Сирии и в конце IV в.; соответственно, перевод данных отрядов в Киренаику в 395 г. был просто невозможен — подобные перемещения рисковали сильно ослабить оборону римско-персидской границы, что для Константинополя на тот момент было совершенно недопустимо. В этом смысле цитированный выше пассаж псевдо-Дионисия, в котором сирийский хронист утверждает, что префект претория Руфин совершил предательство и добровольно передал Сирию в руки гуннов, следует признать не более чем результатом механического заимствования, — как доказал В. Витаковский, хроника псевдо-Дионисия представляет собой компиляцию, в основу которой было положено несколько источников, и среди них — несколько греческих «Церковных историй». В данном случае, как совершенно справедливо подчеркнул В. Витаковский, основным источником для второй книги хроники псевдо-Дионисия, где изложены события от Константина I Великого до византийского императора Зенона Исавра (474–475, 476–491 гг.), послужила «Церковная история» Сократа Схоластика — византийского историка, который крайне негативно относился к префекту Руфину и подвергал его резкой критике на страницах своего труда [29, р. 182–184, 207–208; 24, р. 129–130, 134]. Соответственно, как видим, те пассажи, в которых Сократ критиковал Руфина, органично и без особых изменений перешли и в хронику псевдо-Дионисия, особенно когда он рассказывал о нашествии гуннов в Сирию.

Но в то же время и в 397 г., когда гунны во второй раз вторглись в пределы римских границ, боевые действия, судя по сведениям Клавдиана, скорее приняли характер преследования, последовательного выбивания гуннов из Каппадокии, которую они грабили (*trans Phasin aguntur / Cappadocum matres* — «Через Фасис ведут матерей Каппадокийских» — In Eutr. I. 245–246), и вплоть до границ Армении, откуда кочевники перешли уже в персидские земли (*Iam non Armenios iaculis terrebis et arcu* — «Уже не будешь ты (т.е. евнух Евтропий, лично возглавивший боевую операцию. — Е.М.) утрашивать армян луком и копьями» — In Eutr. II. praef., 55).

Последовательность действий, обрисованных латинским поэтом, явно не свидетельствует в пользу какого-либо пленения или, тем более, принудительного размещения гуннов во внутренних регионах империи. В этом случае у нас остается единственный вариант, объясняющий перемещение гуннов в Ливию (Киренаику), — в

том же 395 г. и опять же до убийства префекта Руфина в ноябре этого года полчища гуннов отметились не только грабежами в ближневосточных землях. Несколько групп этих кочевников пересекли Дунай и вторглись во Фракию, о чем нам сообщает «Житие Ипатия» – греческого святого и настоятеля монастыря близ Халкидона, проводившего активную подвижническую деятельность во Фракии.

Согласно «Житию», во время своего пребывания во Фракии святой и несколько его учеников «соорудили крепости из-за того, что вблизи находились гунны, которые легко грабили эти места» (Διὰ γὰρ τὸ τοὺς Οὐννοὺς γειτνιάζειν καὶ ῥαδίως πραιδεύειν τοὺς τόπους καστέλλια ᾠκοδομοῦντο – Vita S. Nypatii, 3. 11), более того, подчеркнем, что цитированный пассаж хронологически предшествует другим главам текста, в которых упоминается восточноримский префект претория Руфин, занимавший свою должность с 392-го по 395 г., вплоть до своей смерти в ноябре 395 г. Эти сведения предельно важны для нас, поскольку, как известно, именно префект Руфин построил тот монастырь, который впоследствии возглавил Ипатий (Ρουφίνος καὶ οἱ λοιποὶ τῶν μεγάλων... μοναστήριον πλησίον αὐτοῦ, ἅπερ ᾠκοδόμησεν ὁ μακάριος Ρουφίνος – Vita S. Nypatii, 6. 5; 8. 4)⁸.

В данном контексте мы можем полностью согласиться с мнением Э. Демужо, которая предположила, что сведения «Жития» как нельзя лучше коррелируют с данными латинских хроник, повествующих, что в окружении префекта Руфина находилось множество гуннов и они составляли основу его личной гвардии телохранителей, – по мнению исследовательницы, именно из гуннов, упомянутых в «Житии Ипатия», т.е. обитавших во фракийских пределах, Руфин набирал наемные отряды, охранявшие всесильного временщика, и эти войсковые корпуса дислоцировались в Константинополе [31, p. 190].

Действительно, согласно т.н. «Галльской хронике 452 г.», в ноябре 395 г. по поручению западноримского военного магистра Стилихона, главного противника Руфина, солдаты той армии, которая прибыла в Константинополь из Италии, убили восточноримского префекта и, со слов хроники, «победили» отряды гуннов, охранявшие временщика (Chron. Gall. a. 452 (Chron. Min. I, ed. Th. Mommsen, p. 650): *Rufinus Bosforitanus... interficitur Chunorum, quo fulciabatur, praesidio superato*). Вопреки не вполне уверенной позиции Х. Лакобрада, ограничившегося только осторожным замечанием, что Уннигарды Синезия прибыли из Константинополя, где кавалерия гуннов служила в личной гвардии Руфина [32, p. 265], мы полагаем, что

гунны, «побежденные» в ходе дворцового заговора, по неизвестным для нас причинам не были уничтожены физически. На наш взгляд, непосредственно после устранения Руфина новое восточноримское правительство поспешило удалить гуннские отряды подальше от имперской столицы, в результате чего отряды кочевников, выступившие на стороне Руфина, были переведены в Киренаику, где они не представляли для центральной власти такую опасность, как непосредственно в Константинополе.

Судя по всему, в 398 г., если принимать версию Д. Роке [33, p. 222, 224–225], или, скорее всего, даже раньше – в 394 г., когда, по сведениям уже упоминавшегося выше греческого папируса, на территории ливийского побережья разместился экспедиционный войсковой корпус, в Киренаике была проведена административная реформа, учредившая в пределах данной провинции отдельное и независимое военное командование в лице т.н. «дукса обеих Ливий» (верхней и нижней). Подчеркнем, что в военном отношении ранее эти земли вместе с Египтом входили в состав большого пограничного дистрикта, находившегося под властью комита Египта и двух Ливий – как видно из названия должности, данный региональный офицер держал в своих руках двукратное военное командование.

В этом смысле мы категорически не согласны и более того – считаем совершенно необоснованной позицию Т. Шмитта, который предпринял попытку доказать, что должность дукса двух Ливий и отдельный военный округ, находившийся под его командованием, были учреждены не в 398 г., а в 405 г., когда Синезий Киренский в одном из своих писем упоминает дукса Кералия, возглавлявшего местные войска Ливии. Т. Шмитт полагает, что именно Кералий был первым «дуксом обеих Ливий», который значительно ослабил, фактически – распустил существовавшие до него старые пограничные гарнизоны и вместо них разместил в городах Киренаики подразделения федератов и летов – военные отряды, набранные из населения других провинций. По мнению Т. Шмитта, соединения федератов и летов занимались в Киренаике не обороной городов, а разведением оливковых культур и поставкой оливкового масла в Константинополь [34, S. 588–589, 601–602, 607, 620, 638–639, 644, 651, 660, 667, 684–685].

Прежде всего, мы полагаем, что отождествление функций федератов и летов полностью противоречит всему известному на сегодняшний день источниковому материалу, – как уже было показано выше, федераты представляли собой либо отряды нерегулярного племенного ополчения, которые формировались из герман-

цев (готов), расселенных во Фракии, при этом только на период военных кампаний, либо регулярные войсковые соединения в ранге пограничных гарнизонов (*limitanei*), которые были созданы из тех же готов (Сирия и другие ближневосточные провинции). Ни в одном из случаев у нас нет сведений о том, что федераты обрабатывали земли и принудительно снабжали население столицы или ближайших к ним городов продовольствием. Применительно же к летам мы видим другую категорию войск – это были германцы (в основном франки и аламанны), захваченные в плен и принудительно расселенные в Галлии в качестве военных колонистов, их главные задачи – обрабатывать пустующие римские земли и поставлять в римскую армию хороших и боеспособных рекрутов⁹. Конечно же, ни та, ни другая категория войск по своим характеристикам не соответствовала правовому положению Уннигардов – у Синезия нет никаких сведений об их пленении, равно как нет упоминаний о принудительной обработке государственных (или городских) земель, более того, в 78-м письме Синезий четко противопоставляет Уннигардов «тем (воинам), которые когда-то прибыли в эти земли по договору» (ἀλλὰ καὶ ὅσοι πῶποτε κατὰ συμμαχίαν εἰς τοῖσδε τοῖς τόποις ἀφίκοντο – Ep. 78, 4–5, ed. A. Garzya).

Выражение κατὰ συμμαχίαν (дословно – «в соответствии с военным союзом», «по условиям военного союза») в рамках позднеимперского административного лексикона подразумевало именно федератов, т.е. племена и народы, с которыми был заключен договор о поставке в римскую армию союзных вспомогательных войсковых контингентов, получавших за свою службу денежное жалованье¹⁰. Естественно, подобное противопоставление означает, что Синезий все же рассматривал Уннигардов как отряд местной регулярной армии, несущий службу в Киренаике на постоянной основе, но не обладающий статусом федератов, т.е. в отличие от готов Фракии восточноримское правительство не заключало каких-либо договоров с Уннигардами, этот отряд был создан административно-командными, принудительными методами, в рамках плановой военной реформы.

Более того, подчеркнем, что в своей идее о времени возникновения военного дуката в Ливии Т. Шмитт исходит исключительно из сведений 133-го письма Синезия, даже не пытаясь сравнить данные Синезия с другими источниками, – фактически, исследователь не выходит за рамки текста Синезия, не обращается к «внешним» источникам, тогда как вывод Д. Роке о реформе 398 г., в ходе которой, по его мнению, был создан ливийский военный дукат,

представляется нам более убедительным – Д. Роке активно использует церковные истории Павла Орозия и Филосторгия, поэмы Клавдиана, сопоставляет их с письмами Синезия, не ограничиваясь только одним источником.

Со своей стороны отметим, что, скорее всего, львиная доля войсковых соединений Киренаики, упомянутых Синезием, была переведена в эту провинцию из Египта или ближневосточных регионов в ходе военной экспедиции 394 г., когда в Киренаике была размещена небольшая армия – ее целью было предстоящее вторжение в соседнюю Проконсульскую Африку, подчинявшуюся западноримскому узурпатору Евгению¹¹. В этом смысле ясно, что отряд Уннигардов был создан позже, поскольку гунны, вошедшие в его состав, прибыли на территорию Киренаики только после убийства префекта Руфина, т.е. после ноября 395 г. Поэтому мы вполне можем принять версию Д. Роке и признать, что создание отряда Уннигардов совпало по времени с учреждением должности дукса обеих Ливий и отдельного военного округа, находившегося под командованием этого офицера.

Следовательно, мы полагаем, что в результате указанных выше преобразований готы, отправленные в Египет еще в 380 г., были переведены в Киренаику и там объединены с гуннами, сосланными в эту провинцию после убийства префекта Руфина. Слияние этих двух этнических групп, на наш взгляд, вполне органично привело к возникновению в Киренаике нового войскового отряда, получившего в лексиконе Синезия причудливое и странное название «Уннигарды».

Примечания

1. Подробный и обстоятельный анализ фактической истории см.: [2].

2. Следуем датировке, предложенной Р.М. Эррингтоном, – он правильно определяет речь как панегирик, нацеленный на восхваление перед Сенатом более чем сомнительного мирного договора, заключенного между готами Атанариха и Феодосием I в Константинополе в 382 г.: [4, p. 894].

3. Несомненно, можно согласиться с И. Штраубом, который отметил, что рассуждения Фемистия фактически распространяли идею равенства всех подданных перед императором и на варваров, превращая варваров в тех же подданных, – тем самым, по мнению И. Штрауба, позиция Фемистия отражала универсалистское понимание личности и роли императора как главы всех племен и народов империи, независимо от их происхождения: [5, S. 202].

4. В этом смысле предельно странным выглядит тезис Ф. Аусбюттеля, что готы заключили с римлянами не договор в собственном смысле слова (*foedus*), но добровольно сдались на милость победи-

теля (римлян), т.е. по сути – передали себя в римское подданство, отказавшись от своего суверенитета. Ф. Аусбуоттель оценивает этот факт как акт *deditio*, добровольного подчинения более сильному и суверенному противнику, но возникает вопрос – если мы имеем дело с побежденными и поработанными варварами, с какой целью Фемистий столь настойчиво подчеркивал необходимость военного союза (ὁμοσπονδία) с готами, выражал надежду на их ассимиляцию, превращение в мирных жителей? См.: [6, S. 605–606, 607, 609].

5. Тем не менее Р.М. Эррингтон осторожно отмечает, что в целом готы все же могли зачисляться в регулярные соединения римской армии, но исключительно добровольно, в целях получения денежных или иных ресурсов, без четкой связи с условиями договора 382 г.: [8, p. 22].

6. Этой же точки зрения придерживается и австрийский историк Г. Вольфрам, изложивший свои идеи в серии нескольких книг и статей: [2, S. 156–157]; [10, S. 145]; [11, S. 249–250]. В этом смысле Дж. Вандерспель совершенно справедливо отметил, что Фемистий стремился оправдать Феодосия за заключение мира посредством идеи, что варвары сами сдались императору без боя, убедившись в его миролюбии и великодушии, т.е. по сути, василевс победил врагов силой слова, а не оружия. См.: [12, p. 206–207]. Если бы Феодосий уверенно и непоколебимо разгромил готов, подтвердив тем самым древнюю славу римского оружия, с какой целью Фемистий стал бы рассуждать об ассимиляции варваров, о необходимости прощения к ним и даже неизбежного военного союза? По определению мы видим, что на территории империи расселились именно полноценные племена, но не отдельные группы пленников, и эти племена действительно образовывали автономные вожества внутри государства.

7. Присоединяемся к датировке, предложенной Р. Ремондоном: по его мнению, в этот период Феодосий еще продолжал находиться в Фессалониках, где размещалась его военная ставка, тогда как первый закон, изданный в Константинополе, датируется только ноябрем 380 г. Сам пассаж Зосима, как справедливо отмечает Р. Ремондон, занимает место в тексте после описания событий, произошедших осенью 379 г. См.: [13, p. 29]. Не сомневается в исторической достоверности этих сведений и Р.М. Эррингтон: [8, p. 6].

8. Цитируем текст по изданию: [30]. Во введении к изданию текста Дж. Бартелинк вслед за Ж. Паргуаром предположил, что Ипатий стал игуменом монастыря Руфинианы ок. 400 г.: [30, p. 15, 18]. Там же см. и общий обзор биографии Ипатия: [30, p. 17–19].

9. Подробный и взвешенный анализ источников о времени появления и положении этой категории войск в Галлии см.: [35, S. 355–357].

10. В этом смысле мы не согласны с позицией П. Хитера, который недавно выдвинул идею, что греческие и латинские авторы IV в. понимали под словами *foedus* = συμμαχία правовое положение, когда варвары терпели поражение от римлян и сдавались в плен на милость победителя. По мнению П. Хитера, с этими варварами заключался договор, которому всегда предшествовал акт *deditio* – добро-

вольной сдачи в плен, после же заключения договора римское правительство рассматривало пленных варваров как новых жителей империи, а их земли – как часть империи. Примерно ту же идею высказывает и Г. Вирт, который даже полагает, что после акта *deditio* происходило восстановление прежних форм государственности и социальной жизни варваров, более того, исследователь отмечает, что договор Феодосия I с вестготами Атанариха – не более чем акт *deditio*, когда германцы добровольно «передали себя в руки римлян», по сути – сдались в плен. См.: [36, p. 295–298, 301]; [37, S. 60, 65, 87–89]. На наш взгляд, М. Чеза предельно убедительно показала, что говорить о дедитициях (пленниках) и самом акте *deditio* можно только применительно к 376 г. – тогда готы действительно были расселены в империи на правах пленников-колонов, обрабатывавших земли и плативших налоги, но в 382 г. готы находились в совершенно иных условиях – Феодосий заключил с ними равноправный договор, поскольку в этой ситуации римское правительство само пошло на вынужденные уступки. Исследовательница верно оценивает, что готы получили на землях Фракии полную внутреннюю автономию, которая вряд ли соответствовала статусу перебежчиков-дедитициев. См.: [38, p. 70, 91, 95–98].

11. Более подробно об этом см. нашу статью: [39, С. 117–123]. В этом смысле мы совершенно не согласны с позицией А. Кошкун, предположившего, что в 392–394 г. Северная Африка подчинялась Феодосию и находилась под контролем чиновников, назначенных из Константинополя: аргументы исследователя касаются только двух провинций римской Северной Африки – Нумидии и Триполитании, в то время как по Проконсульской Африке, в которую и должен был отправиться войсковой корпус из Киренаики, есть четкое свидетельство анонимной поэмы *Carmen contra paganos* о том, что узурпатор Евгений отправил в эту провинцию двух чиновников из Италии. См.: [40, S. 231–236]; *Carmen contra paganos*, 85–86: *Leucadium fecit fundos curaret Afrorum, / perdere Marcianum, sibi proconsul ut esset* («кто сделал, чтобы Левкадий заботился о землях африканцев, / а Марциан их [т.е. земли. – Е.М.] погубил, чтобы самому стать проконсулом» – цитируем текст поэмы по изданию: [41, p. 357]). Примечательно, но сам А. Кошкун в другой своей статье идентифицировал главного персонажа поэмы – анонимного «префекта», на которого обрушивается с критикой автор поэмы, – с Виром Флавием Никомаром, который в 392–394 гг. занимал должность префекта Италии. Следовательно, события, описанные в поэме, с неизбежностью следует датировать именно периодом узурпации Евгения. См.: [42, S. 169, 174].

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории. М., 1937.
 BJ – Bonner Jahrbücher. Bonn, 1842.
 CSChO – Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Louvain, 1903.
 PRLE II – Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II: A.D. 395–527. Cambridge, 1980.
 RH – Revue historique. Paris, 1876.

Список литературы

1. Мехмадиев Е.А. Синезий Киренский и войсковое подразделение «Уннигарды»: к вопросу о положении готов и гуннов в Западной Римской империи в последней четверти IV в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. 2015. С. 78–86.
2. Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München: Beck, 1979. 495 S.
3. Scharf R. Foederati: Von der Völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung. Wien: Holzhausen, 2001. 164 S.
4. Errington R.M. Themistius and His Emperors // Chiron. Bd. 30. 2000. P. 861–904.
5. Straub J. Die Wirkung der Niederlage bei Adrianopel auf die Diskussion über das Germanenproblem in der spätromischen Literatur // Idem. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnische und christlichen Publizistik. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1972. S. 195–219.
6. Ausbüttel F.M. Die Dedition der Westgoten von 382 und ihre historische Bedeutung // Athenaeum. V. 66. Fasc. 3–4. 1988. S. 604–614.
7. Heather P.J. Goths and Romans 332–489. Oxford: Clarendon Press, 1991. 378 p.
8. Errington R.M. Theodosius and the Goths // Chiron. Bd. 26. 1996. P. 1–27.
9. Schmitt O. Der «Gotensieg» von Tomi. Verlauf und Hintergründe // Historia. Bd. 46. Hft. 3. 1997. S. 379–384.
10. Wolfram H. Das Reich und die Germanen. Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin: Siedler Verlag, 1990. 480 S.
11. Wolfram H. Die Schlacht von Adrianopel // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. Anzeiger. Jg. 114. 1977 (1978). S. 227–250.
12. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995. 280 p.
13. Remondon R. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // RH. 1955. V. 213. Fasc. 1. P. 21–38.
14. Wipszycka E. Un papyrus d'Égypte et la guerre de Théodose le Grand contre la réaction païenne en Occident // Eos. 56. Fasc. 2, 1966. P. 350–360.
15. Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1973. 602 p.
16. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford: Oxford University Press, 1948. 228 p.
17. Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. IV: Die Europäische Hunnen. Berlin: De Gruyter, 1962. 388 S.
18. Cameron A. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford: Clarendon Press, 1970. 508 p.
19. Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. Bd. 9. 1979. S. 621–645.
20. Die Akten der Edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos / Hrsg. von E. von Dobschütz. Leipzig: J.C. Hinrich, 1911 (Texte und Untersuchungen, 37/2). 264 S.
21. Euphemia and the Goth with the Acts of Martyrdom of the Confessors of Edessa / Ed. and transl. by F.C. Burkitt. London: Williams & Norgate, 1913. 187 p.
22. Chronica minora. Pars II / Ed. E.-W. Brooks, interpr. J.-B. Chabot. Parisiis, 1904 (CSChO. Scr. Syri. Series III. Tomus IV).
23. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII в. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 289 с.
24. Witakowski W. The Syriac Chronicle of Pseudo-Dionysius of Tel-Mahrē. A Study in the History of Historiography. Uppsala: Uppsala University Press, 1987. 182 p.
25. Incerti auctoris Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. I. Interpretatus est J.-B. Chabot. Louvain: L. Durbecq, 1949 (CSChO. Vol. 121. Scr. Syri. Tomus 66). 255 p.
26. Greatrex G., Greatrex M. The Hunnic Invasion of the East of 395 and the fortress of Ziatha // Byzantion. V. 69. Fasc. 1. 1999. P. 65–75.
27. Speidel M. The Slaughter of Gothic Hostages after Adrianople // Hermes. Bd. 126. Hft. 4. 1998. P. 503–506.
28. Elbern S. Das Gotenmassaker in Kleinasien (378 n. Chr.) // Hermes. Bd. 115. Hft. 1. 1987. S. 99–106.
29. Witakowski W. Sources of Pseudo-Dionysius of Tel-Mahrē for the Second Part of His Chronicle // ΛΕΙΜΩΝ. Studies Presented to Lennard Rydén on His Sixty-Fifth Birthday / Ed. J.O. Rosenqvist. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1996. P. 181–210.
30. Callinicos. Vie d'Hypatios / Introduction, texte critique, traduction et notes par G.J.M. Bartelink. Paris: Éditions du Cerf, 1971 (Sources Chrétiennes, no. 177). 336 p.
31. Demougeot E. Le préfet Rufin et les Barbares // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientales et slaves. Tome X. 1950. P. 185–191.
32. Lacombrade Chr. Synésios et «l'énigme du loup» // Revue des Études anciennes. 1946. 48. № 3–4. P. 260–266.
33. Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1987. 492 p.
34. Schmitt T. Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsräume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropolit von Ptolemais. Leipzig: K.G. Saur, 2001. 832 S.
35. Lippold A. Constantius Caesar, Sieger über die Germanen – Nachfahre des Claudius Gothicus? Der Panegyricus von 297 und die Vita Claudii // Chiron. Bd. 11. 1981. S. 347–369.
36. Heather P. Foedera and foederati of the fourth century. // From Roman Provinces to Medieval kingdoms. / Ed. by Th.F.X. Noble. London – N.Y.: Routledge, 2006. P. 292–308.
37. Wirth G. Deditizier, Soldaten und Römer. «Besatzungspolitik» im Vorfeld der Völkerwanderung // BJ. Bd. 197. 1997. S. 57–90.
38. Cesa M. 376–382: Romani e Barbari sul Danubio // Studi Urbinati B3. Linguistica, letteratura, arte. Anno 57. 1984. P. 63–99.
39. Мехмадиев Е.А. Войсковые подразделения позднеримской Киренаики в IV–V вв.: организаци-

онные аспекты в контексте данных Синезия Киренского // ВДИ. 2014. № 3. С. 111–133.

40. Coşkun A. Theodosius, Eugenius und Afrika zur divisio imperii 392–394 n. Chr. // Rivista storica dell'antichità. Ann. 32. 2002. S. 223–236.

41. Mommsen Th. Carmen Codicis Parisini 8084 // Hermes. Bd. 4. Hft. 3. 1870. P. 350–363.

42. Coşkun A. Virius Nicomachus Flavianus, Der Praefectus und Consul des «Carmen contra paganos» // Vigiliae Christianae. V. 58. Fasc. 2. 2004. S. 152–178.

SYNESIUS OF CYRENE AND THE MILITARY UNIT OF UNNIGARDAI: THE GOTHs AND THE HUNS IN THE EASTERN ROMAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 5th CENTURY A.D.

E.A. Mekhamadiev

This paper is a sequel to the author's previous paper, which concerned the history of the military unit of Unnigardai. This unit is mentioned in some letters and treatises of Synesius of Cyrene who was the bishop of the city of Ptolemaida in the Roman province of Cyrenaica in what is now Libya. Unnigardai were quartered in Cyrenaica and constituted a part of the local frontier army. Having considered in previous paper the grammatical structure of the word Οὐννιγάρδαι (as it is given by Synesius), the author concludes that the unit of Unnigardai consisted of two ethnic groups – the Goths and the Huns, but the origin of Unnigardai could not be traced to West Roman Goths and Huns who lived in Pannonia as federates, because such an origin is inconsistent with the administrative and political situation of the Western Roman Empire at the turn of the 5th century A.D. Therefore, in the present paper the author examines the problem of East Roman origin of Unnigardai, and on the grounds of different sources, not only Greek and Latin, but also translated Syrian ones, makes the following conclusions: 1) The Huns who served in the unit of Unnigardai were recruited in 395 by East Roman praetorian prefect Rufinus as his personal bodyguards, but these Huns had lived in Thracia earlier, and they devastated its territory from time to time. When Huns were under the command of Rufinus, they were quartered in Constantinople, but then, after Rufinus' murder in November 395, their unit was transferred to distant Cyrenaica so they could not disturb the capital by their presence. 2) The Goths, who served in the unit of Unnigardai, were relocated from Macedonia to Egypt as early as under the reign of Theodosius I, in 380, because these Goths were defectors, who surrendered themselves voluntarily to Theodosius. 3) In 394, a special military contingent was sent to Cyrenaica from Egypt that included some Goths, who then were quartered in Cyrenaica together with other regular units from Egypt. After November 395, when the exiled Huns from the personal guard of Rufinus came to Cyrenaica, the unit of Unnigardai was established, and this unit consisted of Huns and Goths mentioned above. This was the way the Unnigardai unit mentioned in the works of Synesius of Cyrene was formed.

Keywords: Sinesius of Cyrene, Goths, Huns, federates, Cyrenaica.

References

1. Mekhamadiev E.A. Sinezij Kirenskiy i vojskovoe podrazdelenie «Unnigardy»: k voprosu o polozhenii gotov i gunnov v Zapadnoj Rimskoj imperii v poslednej chetverti IV v. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 1. 2015. S. 78–86.

2. Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München: Beck, 1979. 495 S.

3. Scharf R. Foederati: Von der Völkerrechtlichen kategorie zur byzantinischen Truppengattung. Wien: Holzhausen, 2001. 164 S.

4. Errington R.M. Themistius and His Emperors // Chiron. Bd. 30. 2000. P. 861–904.

5. Straub J. Die Wirkung der Niederlage bei Adrianopel auf die Diskussion über das Germanenproblem in der spätromischen Literatur // Idem. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1972. S. 195–219.

6. Ausbüttel F.M. Die Dedition der Westgoten von 382 und ihre historische Bedeutung // Athenaeum. V. 66. Fasc. 3–4. 1988. S. 604–614.

7. Heather P.J. Goths and Romans 332–489. Oxford: Clarendon Press, 1991. 378 p.

8. Errington R.M. Theodosius and the Goths // Chiron. Bd. 26. 1996. P. 1–27.

9. Schmitt O. Der «Gotensieg» von Tomi. Verlauf und Hintergründe // Historia. Bd. 46. Hft. 3. 1997. S. 379–384.

10. Wolfram H. Das Reich und die Germanen. Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin: Siedler Verlag, 1990. 480 S.

11. Wolfram H. Die Schlacht von Adrianopel // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. Anzeiger. Jg. 114. 1977 (1978). S. 227–250.

12. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995. 280 p.

13. Remondon R. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // RH. 1955. V. 213. Fasc. 1. P. 21–38.

14. Wipszycka E. Un papyrus d'Égypte et la guerre de Théodose le Grand contre la réaction païenne en Occident // Eos. 56. Fasc. 2, 1966. P. 350–360.

15. Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1973. 602 p.

16. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford: Oxford University Press, 1948. 228 p.

17. Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. IV: Die Europäische Hunnen. Berlin: De Gruyter, 1962. 388 S.

18. Cameron A. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford: Clarendon Press, 1970. 508 p.

19. Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // *Chiron*. Bd. 9. 1979. S. 621–645.
20. Die Akten der Edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos / Hrsg. von E. von Dobschütz. Leipzig: J.C. Hinrich, 1911 (Texte und Untersuchungen, 37/2). 264 S.
21. Euphemia and the Goth with the Acts of Martyrdom of the Confessors of Edessa / Ed. and transl. by F.C. Burkitt. London: Williams & Norgate, 1913. 187 p.
22. *Chronica minora*. Pars II / Ed. E.-W. Brooks, interpr. J.-B. Chabot. Parisiis, 1904 (CSChO. Scr. Syri. Series III. Tomus IV).
23. Pigulevskaya N.V. Vizantiya i Iran na rubezhe VI i VII v. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1946. 289 s.
24. Witakowski W. The Syriac Chronicle of Pseudo-Dionysius of Tel-Mahrē. A Study in the History of Historiography. Uppsala: Uppsala University Press, 1987. 182 p.
25. Incerti auctoris Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum. I. Interpretatus est J.-B. Chabot. Louvain: L. Durbecq, 1949 (CSChO. Vol. 121. Scr. Syri. Tomus 66). 255 p.
26. Greatrex G., Greatrex M. The Hunnic Invasion of the East of 395 and the fortress of Ziatha // *Byzantion*. V. 69. Fasc. 1. 1999. P. 65–75.
27. Speidel M. The Slaughter of Gothic Hostages after Adrianople // *Hermes*. Bd. 126. Hft. 4. 1998. P. 503–506.
28. Elbern S. Das Gotenmassaker in Kleinasien (378 n. Chr.) // *Hermes*. Bd. 115. Hft. 1. 1987. S. 99–106.
29. Witakowski W. Sources of Pseudo-Dionysius of Tel-Mahrē for the Second Part of His Chronicle // *AEIMQN. Studies Presented to Lennard Rydén on His Sixty-Fifth Birthday* / Ed. J.O. Rosenqvist. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1996. P. 181–210.
30. Callinicos. Vie d'Hypatios / Introduction, texte critique, traduction et notes par G.J.M. Bartelink. Paris: Éditions du Cerf, 1971 (Sources Chrétiennes, no. 177). 336 p.
31. Demougeot E. Le préfet Rufin et les Barbares // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientales et slaves*. Tome X. 1950. P. 185–191.
32. Lacombrade Chr. Synésios et «l'énigme du loup» // *Revue des Études anciennes*. 1946. 48. № 3–4. P. 260–266.
33. Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1987. 492 p.
34. Schmitt T. Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsräume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropolit von Ptolemais. Leipzig: K.G. Saur, 2001. 832 S.
35. Lippold A. Constantius Caesar, Sieger über die Germanen – Nachfahre des Claudius Gothicus? Der Panegyricus von 297 und die Vita Claudii // *Chiron*. Bd. 11. 1981. S. 347–369.
36. Heather P. Foedera and foederati of the fourth century. // *From Roman Provinces to Medieval kingdoms*. / Ed. by Th.F.X. Noble. London – N.Y.: Routledge, 2006. P. 292–308.
37. Wirth G. Deditizier, Soldaten und Römer. «Besatzungspolitik» im Vorfeld der Völkerwanderung // *BJ*. Bd. 197. 1997. S. 57–90.
38. Cesa M. 376–382: Romani e Barbari sul Danubio // *Studi Urbinati B3. Linguistica, letteratura, arte*. Anno 57. 1984. P. 63–99.
39. Mekhamadiev E.A. Vojskovye podrazdeleniya pozdnerimskoj Kirenaiki v IV–V vv.: organizacionnye aspekty v kontekste dannyh Sineziya Kirenskogo // *VDI*. 2014. № 3. S. 111–133.
40. Coşkun A. Theodosius, Eugenius und Afrika zur divisio imperii 392–394 n. Chr. // *Rivista storica dell'antichità*. Ann. 32. 2002. S. 223–236.
41. Mommsen Th. Carmen Codicis Parisini 8084 // *Hermes*. Bd. 4. Hft. 3. 1870. P. 350–363.
42. Coşkun A. Virius Nicomachus Flavianus, Der Praefectus und Consul des «Carmen contra paganos» // *Vigiliae Christianae*. V. 58. Fasc. 2. 2004. S. 152–178.